

ЭТО БЫЛ еще один подарок Сталина детям своей страны. Настоящий подарок, вопреки всем остальным поступкам тирана. Дети республики писали на новогодних бумажных звездочках «спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство», но жили под угрозой применения закона о смертной казни с 12 лет и лишались родителей.

...Всемирный спектакль выборов проходил пышно. Избирательный участок, где можно было проголосовать за вождя, поражал роскошью и величием. Среди желающих отдать свои голоса за отца родного стояли километровой ширины. Внутри сверкало золото, ослепляла близость колонн.

А когда все расстались со своими головами и комедия закончилась, был сделан роскошный жест — особняк, где размещался самый главный избирательный участок страны, отдали детям.

И дети с огромной радостью пришли в новый Дом пионеров. Из бараков и тесных коммуналок, из сурового быта и полуголодной жизни они попали в мир сказочной красоты. Где их встретил 1 сентября 1938 года удивительно красивый высокий человек. Он не был принцем, он был лучше — живой, настоящий...

— МНЕ БЫЛО одиннадцать лет, и я не выговаривал пяти букв алфавита. Но я обожал читать стихи и декламировал их всюду. В классе надоели смеяться. Я очень серьезно относился к своему творчеству, и мне было не до смеха. И я пошел в Дом пионеров.

Открыл тяжелую дверь и увидел шикарный зал. Зеркало огромное, картины на стене... А посреди зала невероятно красивый человек. Он говорил что-то ребятам, которые стояли вокруг и на сцене.

Это был Николай Петрович Баженов. Я прочитал ему стихи, и он сказал, чтобы я приходил на занятия их театральной студии. Мне там все понравилось, но почему-то целый месяц я не приходил... А через месяц раздался телефонный звонок, и очень вежливо мне сказали: «Это староста театральной студии Якунин. Если вы не придете на занятия, мы сообщим в школу». Я был ошеломлен. На следующий день надел галстук и пошел в Дом пионеров. У дверей галстук снял. Войти не решился и повязал галстук. Потом снова снял... Потом опять надел — и вошел в зал.

И остался на всю жизнь — по прошествии стольких лет я главный режиссер бывшего Сталинского, теперь Первомайского, Дворца пионеров.

А тогда мы самозабвенно репетировали и играли самые разные спектакли. Николай Петрович, приверженец классического репертуара, ставил с нами Островского, Гоголя. Он учил нас обращаться со словом. Кстати, и мои дефекты речи исчезли!

Но главное, конечно, не в том, что я научился правильно говорить или сыграл огромное количество ролей. Николай Петрович научил, как надо жить. Это звучит несколько высокопарно — но это так и есть.

У нашей театральной студии был свой автобус. И мы часто выезжали из Москвы давать спектакли в колхозах, совхозах... Нам всегда очень радовались и принимали как самых заслуженных — народных.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Он не старался делать актеров...

Тем более заслуженные — народные вряд ли бывали в тех дальних уголках Московской и других областей, куда приезжали мы. Естественно, никаких денег мы за выступления не получали. Хозрасчета никто тогда не предвидел... Однажды я сказал Николаю Петровичу, что мне надоело все время ездить в такую даль. Я сказал резко: «Что же мы ишачим?» А Николай Петрович на меня посмотрел таким долгим взглядом и ответил: «Ах, ты ишачишь? Я с тобой не буду разговаривать, раз ты ишачишь». И не разговаривал какое-то время на самом деле. Для него и в мыслях не было, что можно брать на наших выступлениях деньги или отказаться куда-то поехать.

Он — настоящий творческий генерал. И как жаль, что после пятидесяти лет работы в нашем доме, он в этом году ушел на пенсию. Такие люди должны быть, обязаны быть с детьми...

ЭТО ВСЕ — из рассказа Игоря Александровича Друца. Кто он сейчас и кем был в школе, понятно. И трудно ему самому ответить на вопрос, каким бы он стал, не встретив он в одиннадцать лет руководителя театральной студии районного Дома пионеров.

По сегодняшним представлениям о жизни, руководитель театральной студии районного масштаба не шибко влиятельное лицо. Тем более на протяжении последних десятилетий такие студии выпускали театральные представления ко дню всех официальных торжеств и репутацию свою этим явно подмочили. Не желая никоим образом обидеть никого из работающих с детьми сейчас, все же замечу: очень редко сегодня кто из руководителей многочисленных кружков и студий становится истинным властителем дум ребят.

Николай Петрович Баженов пришел в детскую театральную студию потому, что его учитель, гениальный Николай Хмелев, сказал ему: «Надо». До того момента молодой Баженов самозабвенно репетировал и играл в студии Хмелева и совершенно не думал о таком повороте судьбы. Но это случилось, и полвека прошло с той поры, и, наверное, то был счастливый случай. Может быть, в глубине души Николаю Петровичу Баженову жалко несыгранных ро-

лей. Он играл на профессиональной сцене, но, конечно, не так, как, наверное, мог бы. Театральная педагогика, педагогический театр — называйте, как хотите, — прочно занял первое место в его профессиональной деятельности. Баженов изумительно раскрылся в работе с детьми. Ему повезло так же, как и тем тысячам мальчиков и девочек, которые прошли через его студию. Ему повезло потому, что он нашел идеальное место раскрытия своего таланта. А ведь могло случиться, что он бы никогда не узнал даже о том, что обладает таким бесценным даром.

Первой постановкой детской театральной студии в 1938 году стал спектакль по повести Катаева «Белеет парус одинокий». Потом были «Оливер Твист», «Не было ни гроша да вдруг алтын», «Шутники», «Бедная невеста», «Поздняя любовь» Островского и многие другие пьесы. Не существовало невозможного для ребят далеко не идеальных.

Не раз Баженова спрашивали, откуда он берет таких красивых детей. Он только улыбался в ответ — это же самые обыкновенные ребята, только у них красивая духовная жизнь!

— СОКОЛЬНИКИ — очень удобное место для воровства. И, честно скажу, к тринадцати годам в этом лично убедился.

(Это из рассказов Валерия Ивановича Якунина, того самого бывшего старосты студии, ныне главного режиссера Первого Московского областного драматического театра).

— А однажды мне в голову пришло, что по мелочам стараться не стоит. Надо угнать автомобиль, продать его — и вот оно, Эльдorado! Тогда денег хватит надолго. Залезть в машину мне не представ-

лялось делом трудным. Но проблема в том, что я не умел водить. Значит, надо было научиться. Где в тринадцать лет можно научиться вождению? В Доме пионеров.

В воскресенье автомобильный кружок не работал, я пошел к выходу, но услышал из-за дверей какой-то шум, крики. Открыл дверь — вижу, у сцены стоит красивый мужик и размахивает руками, что-то объясняет, потом залез на сцену, а на сцене мальчишки с винтовками носятся. Потом человек сам на сцену полез, начал показывать, как надо правильно бегать. Я спрятался за колонну и очнулся только тогда, когда меня по плечу похлопал милиционер. Первой мыслью было: «Как?! Я еще только решил машину украсть, а меня уже поймали...». Но, оказалось, он по каким-то другим делам в студию зашел. А тут как раз на сцене для пьесы мальчишка не хватало. И меня «пригласили» на первую в моей жизни роль на следующий день.

Я решил, что не пойду. У меня свои планы — автомобильные. А тут какая-то театральная студия... Вернулся из школы, занялся чем-то, но чувствую, что ни на чем не могу сосредоточиться. А уж ближе к трем часам совсем извелся. И ровно в три был у Николая Петровича на репетиции.

Николай Петрович обладает фантастическим магнетизмом. Я испытал его на себе так же, как и множество других людей. Суть не в том, что я стал профессиональным режиссером. Суть в том, что Николай Петрович для меня и моих сверстников (так же, как и для ребят других поколений студии) являлся некоей культурной отдушиной.

Он никогда не заигрывал ни с кем. Но осуществлял культурное регентство над нами. Его умение говорить, рассказывать, показывать — все вместе составляло волшебную тайну, которой безумно хотелось овладеть.

А когда я убежал из дома, Николай Петрович (а может быть, и старшие ребята) подкладывали мне в карман трешки. И, мне кажется, моя мама, зная о том, что я по-прежнему прихожу на репетиции, не так волновалась за меня. Николай Петрович опекал меня. Без лишних слов, назиданий.

МОЖЕТ создаться впечатление, что огромное значение всей подвизнической деятельности Баженова — в его учениках, ставших театральными профессионалами. (Ученик Баженова, кстати, и народный артист Всеволод Шпилевский). Это совсем не так. Наоборот, его великое значение в том, что он не старался ни из кого сделать актеров. И никогда не работал только с теми, у кого явные способности к театру. Он всегда работал со всеми. Когда в пятидесятые годы распространился приказ принимать в театральную студию только учеников без троек, Баженов буквально встал против этого. И по-прежнему принимал всех желающих и занимался одинаково самоотверженно с двоечниками и с отличниками. Его совесть чиста. И каждо-

му он делал своеобразную прививку любви к искусству. Причем прививка эта, как показало время, действует всю жизнь. Так, например, бывший студийщик Геннадий Концевос и не помышлял о театральной карьере, стал ученым. Но в пятьдесят лет пошел в любительский театральный коллектив, его заметил профессиональный кинорежиссер — и вот, пожалустика, он силится в роли генерала! Но главное, конечно, что в нужное время были Николаем Петровичем заложены культурная основа, культурный слой, ничем не заменяемые...

— Мы начинали в сталинскую эпоху. Мы были зажаты, закомплексованы. Мало у кого рядом были отцы. Сложно жили. Но этот удивительный человек, словно последний из могокан, создал для нас культурную жизнь и сам стал центром ее. В Англии времен Шекспира были детские театры, в которых дети ставили спектакли не ради актерской славы, а ради того, чтобы научиться умению владеть собой, правильно говорить, двигаться. Николай Петрович не стремился превратить нас в актеров. Он стремился научить нас любить даже не театр вообще, а все искусство.

Он — прекрасный рассказчик. Его мнологи — это счастливейшая пора. Он нам рассказывал о Станиславском, Хмелеве, Мордвинове, военных годах, когда он выступал на фронте в составе артистических бригад. Это было замечательно. Он восполнял нам то, что недодавала школа.

Еще совсем недавно был популярен лозунг, появившийся в сталинские времена: «Незаменимых людей у нас нет». Но совершенно очевидно, что они есть. И Николай Петрович Баженов как раз незаменим...

Это — из рассказа студийца с 1950 года, ныне старшего редактора издательства «Советский писатель» Владислава Онуфриевича Матусевича.

СЛОЖНО добавить еще что-то к рассказам учеников Николая Петровича. Он действительно потрясающий рассказчик — мне он рассказывал о выдающихся актрисах Яблочниковой и Блюменталь — Тамарины, два фронтowych случая, каждый из которых достоин подробного описания... Однажды в госпитале артистам предложили сыграть спектакль перед одним только раненым — врачи не могли вывести его из шока. После спектакля перед всеми они пошли в ту палату... И в буквальном смысле искусство вернуло раненого к жизни. Он вышел из шокowego состояния. А актеры поехали на следующее выступление...

Николай Петрович привлекает и тем, что нет в нем непримиримости к новому. Он, приверженец, воспитанник классических методов, ходит по современным студиям и с большим любопытством смотрит новые спектакли. Хочет понять, в чем их тайна.

Среди учеников Николая Петровича Баженова — совершенно разные люди. Ученые, педагоги, врачи, электрики, артисты, режиссеры, профессиональные бюрократы... Но в каждом из них растворена частичка баженовской теплоты и культуры. И этой частичкой они значительно отличаются от окружающих.

Анна ЧЕРНЯХОВСКАЯ.